

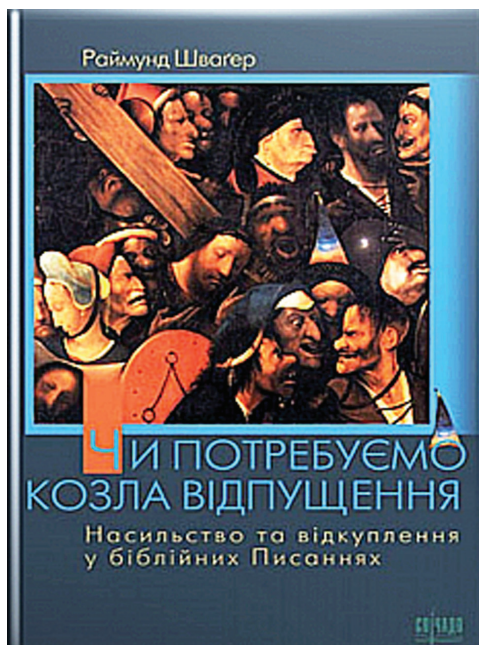
**Чи потребуємо козла відпущення?
Насильство та відкуплення у біблійних Писаннях**

Швагер Раймунд. – Львов: Свичадо, 2005. – 232 с.;
ISBN 966-8744-29-2; 50.00 UAH

(Нуждаемся ли в козле отпущения?
Насилие и искупление в библейских Писаниях)

РАЙМУНД ШВАГЕР – ИЗВЕСТНЫЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ БОГОСЛОВ, который очень эффективно применил миметическую теорию Рене Жирара в исследовании библейских текстов, и как следствие, сформулировал вполне интересный и оригинальный триллер. Хотя для отечественной богословской среды Швагер остается в основном неизвестным автором, но этот пробел заполняет его труд, изданный в издательстве Свичадо, – “Нуждаемся ли в козле отпущения? Насилие и искупление в библейских Писаниях”.

Книга состоит из трех глав, каждой из которых предшествует краткое вступление, а в конце представляются перспективы и направления для дальнейших студий. Во вступлении автор достаточно убедительно обосновывает актуальность своего исследования и очерчивает используемый им метод. В самом начале он дает понять, что его путь идет вразрез с господствующей в библейской науке историко-критической методологией. Явно не отрицая ее полностью, он тем не менее указывает на ее существенные ограничения, замечая, среди прочего, что она “неизменно приводит с каждым разом к более специализированным результатам, которые, в свою очередь, становятся все менее интересными и значимыми для широкой публики. Эта тенденция побуждает богословие всерьез задуматься, если у него есть желание не потерять связь с сообществом верующих. Потому как оно рискует достичь полностью обратного результата, чем добивается”. [17, 18 с.] Особенно его беспокоит тот факт, что проблемы, выступающие на первый план в библейских историях, часто остаются проиг-

норированными и почти полностью отсутствуют в научной богословской литературе. Получив вдохновение в трудах Рене Жирара, Швагер предлагает совсем иной подход к исследованию библейского текста, более близкий к реальной жизни и реальным проблемам, главной из которых, безусловно, по его мнению, является проблема насилия.

В первой главе своего исследования Швагер делает краткий, но достаточно основательный обзор миметической теории Рене Жирара. В его представлении особенное внимание привлекают к себе два момента, а именно вопрос литературной критики и психоанализа. И не удивительно. Ведь Жирар является, прежде всего, профессором литературы, который в своем анализе литературных произведений очень обильно пользуется достоянием Фрейда. Однако, если Фрейд считал, что фундаментальной проблемой человеческой

личности является проблема либидо и человекоубийства, которые лежат в основе комплекса Эдипа, то Жирар решительно не соглашается с этим, предлагая явно куда более убедительное прочтение греческого мифа и творчества Достоевского, которые, собственно, и послужили для Фрейда материалом для построения его неоднозначной теории. Жирар, наоборот, утверждает, что эти художественные произведения скорее говорят о проблеме похоти^[1] и братоубийства, чем о том, что хотел видеть в них Фрейд. Швагер подытоживает это так: "Всем человеческим взаимоотношениям присуща тенденция постепенно превращаться в обоюдное насилие, в котором обвинение следует за обвинением, а удар – за ударом". [26 с.] И эта склонность очень глубоко укоренена в нашей природе и действует в каждом из нас на подсознательном уровне.

Но почему так происходит? Согласно мнению Жирара причиной этому является механизм мимесиса, или, говоря иначе, подражания, но подражания в отрицательном смысле, то есть подражание другому в его похоти, иными словами – жажда того, чего хочет другой. Швагер пишет об этом так: «Похоть всегда является подражанием другой похоти, жаждой одного и того же объекта и вследствие этого неисчерпаемым источником конфликтов и соперничества... Где двое жаждут одного и того же объекта, там будет место конфликту». [30 с.] Правда в том, что этот злосчастный механизм подражания, засев глубоко

^[1] Здесь и далее украинское слово «жадоба» переведено как «похоть», «желание» и «жажда».

в нашем естестве, наращивает вокруг себя клубок зависти, соперничества, гордости, ненависти и вражды. И все это рано или поздно неизбежно приводит к насилию и братоубийству. И именно похоть является центром тяготения всех этих разрушительных сил, их, так сказать, энергетическим ядром. Ну, а наиболее коварная, наверное, ее черта заключается в том, что она ловко скрывается от нас самих, обманывает наш разум и определяет наши действия, глубоко затаившись в подсознании.

Жизнь в человеческом обществе можно уподобить при таких условиях застолью на пороховой бочке, которая может взорваться в любой момент и обратить мирный на первый взгляд праздник в безудержное кровопролитие. И чтобы не допустить этого, община находит случайную жертву, на которую переносит коллективную вражду. В своих ранних произведениях Рене Жирар называет это «механизмом козла отпущения». Именно так, по его мнению, рождается идея жертвоприношения. И что интересно, эту жертву люди переживают как сакральную. «Однако то, что жертву сакрализовал их собственный коллективный перенос насилия – для них остается сокрытым». [37 с.] Важно также отметить, что речь идет о реальном историческом убийстве, случайно выбранного человека, в истории каждой общины, племени, общества, народа. Кто-то метко передал эту идею остроумным изречением: «Вначале было убийство...»

Похоже, что теория Жирара просто идеально объясняет природу сакрального, которое парадоксально сочетает в себе ужас и славу, то, что

притягивает и отталкивает от себя одновременно; а также позволяет точно понять логику разделения на безопасное профанное и угрожающее сакральное. Дело в том, что именно сакральная жертва уносит опасность из среды общества и локализует ее в сакральном пространстве. Сакральное пугает, потому что является воплощением наших глубинных страхов перед угрозой насилия, и в то же время восхищает и привлекает, потому что «после внезапного превращения взаимных страстей в коллективное наступление всех против одного, участники приобретают опыт мира, подаренного им чудесным способом». [36 с.]

«Механизм козла отпущения разгадать нелегко». [42 с.] Как уже было сказано, ему свойственна невероятная способность скрываться. Он боится света и любит жить в темноте. А причина в том, что он, на самом деле, не решает проблему, а только создает иллюзию ее решения, вытесняя и маскируя ее за фасадами проекций. В этом смысле механизм козла отпущения явно является глубоко аморальным, а следовательно патологическим явлением как с психологического, так и с религиозного взглядов. Ведь он не устраняет насилие, а только вуалирует его. «Насилие так ловко скрывает свои собственные поступки, что ни один человек не может разоблачить его собственным гением». [54 с.]

И здесь со всей остротой перед нами предстает феномен Откровения, который согласно теории Жирара все выводит на свет. По его мнению, евангельская история о смерти и воскресении Христа как ничто другое,

прямо и недвусмысленно вскрывает миметическую структуру похоти и механизм насилия. И это явно создает безумное напряжение, ведь люди ненавидят свет и прищуривают свои глаза, закрывают уши, чтобы порой не увидеть и не услышать страшную и обличительную для них истину. Интуиция Жирара, как видим, необычайно гармонично вписывается в основную проблематику библейских рассказов. Поэтому, по мнению Швагера, «если претензия Жирара верна, то его теория должна привести к новому и более достоверному пониманию библейских текстов». [55 с.]

Именно этим и занимается Швагер во второй и третьей главах своего исследования, останавливаясь сначала на Ветхом Завете, а затем прочитывая тексты Нового Завета через призму теории Жирара. Отдельного внимания заслуживают здесь следующие наблюдения автора. Прежде всего поражает то, что он сумел показать, насколько тема насилия наполняет собой страницы Писания. «Так часто, как о насилии, [в нем] не упомянуто ни об одном другом человеческом занятии или переживании – ни об области труда и хозяйки, ни о семье и сексуальности, ни о естественности и знаниях. Кажется, библейских авторов больше всего поражал и подавлял тот опыт, что люди взаимно убивают друг друга». [61 с.] Анализируя тексты псалмов, он пишет, что «каждое преступление, которое совершают люди, есть насилие. Ничего другого они не делают». [64 с.] А «все слова, которыми описаны их плохие поступки, указывают на общее направление насилия: ярость, зависть, замешательство, беспокой-

ство, страх перед смертью, огорчение и ссора... Преступления народов всегда одни и те же: черствость сердца, надменность и насилие». [65 с.] В конце концов, он приходит к неутешительному выводу, что библейские тексты содержат явную тенденцию к универсализации этой проблемы: «С одной стороны, любая вина между людьми сводится к термину «насилие». С другой стороны, от стремления к насилию не избавлен ни один человек». [66 с.]

Идя дальше, Швагер предлагает также оригинальную трактовку Божественного наказания. Он настаивает на том, что «всегда, когда [в Священном Писании] речь идет о Божьем гневе и божественной мести, там конкретно подразумеваются такие дела между людьми, через которые насильники взаимно себя наказывают». [78 с.] А те единичные тексты, в которых Яхве непосредственно совершает насильственные карательные действия, по его мнению, являются рудиментами архаических проектирований наших агрессивных фантазий на козла отпущения. Поэтому в прогрессии библейского Откровения мы видим постепенное вытеснение этих представлений совсем другой логикой, а именно: «человеческая ехидность поражает Бога, и Он в Своем гневе спускает людей на людей... Как только Он оставляет людей самих, они начинают истреблять друг друга... Когда Бог отдает людей воли их яростного сердца и они действуют по собственным планам, тогда не получается ничего хорошего... Лишение близости к Богу со всеми его последствиями – вот кара Божья». [78-80 с.] Подытоживая свое

мнение, Швагер пишет: «Библейская история не дает теории. Но она очень ясно описывает отношение Бога к насилию. Бог грозит грешному человеку смертью. Но от этого сам Бог вовсе не становится насильником. Он только лишает виновных Своего присутствия. А в таком мире, над которым уже не сияет Его лик, труд и беременность становятся тяжелыми, и человек готов убивать человека. Наказание состоит в том, что Бог предаёт людей склонностям их же сердец. Они же сами себя взаимно наказывают и прячутся от Его лица. Бог потому сокрыт, что насильники сами скрываются от Него». [81 с.] Тем самым он выявляет перспективу, отождествления богоборчества и братоубийства, которая полностью раскроется только в Новом Завете.

Сопоставляя ключевые положения теории Жирара с текстами Священного Писания, Швагер все больше открывает ее согласованность с библейской логикой. Это касается в частности проблемы соперничества и ревности. Подобно «как теория Жирара, так и ветхозаветные Писания видят корень греха и насилия в зависти и ревности». [84 с.] Это можно явно проследить в одной из главных проблем Библии – идолопоклонстве. «Израиль ходил за чужими божками не просто по теоретико-богословским соображениям. Напротив, во многих текстах яркими словами указано на безмерную похоть». [87 с.] Также и желание иметь царя, как у других народов, напрямую связано с хождением за чужими богами. Израиль «хотел быть таким, как все другие народы, потому что восхищался их военной силой. Успешные образцы

возбудили его собственное желание». [89 с.] Ну и в самой истории грехопадения именно похоти придается центральное место: «мимесис сыграл решающую роль в возникновении желания. Он пробудил похоть и воспользовался ею». [89 с.]

Неотъемлемой частью библейской проблематики является пророческая критика культа. И именно в ней Швагер предлагает увидеть развенчивание в свете Откровения сакральных проекций древних израильтян. «Сакральные обряды скрывали от их совести то, что они проливали «кровь невинных». Их сознание подсказывало им, что они оказывают божеству некую чрезвычайную услугу, хотя на самом деле происходило что-то совсем другое... В тех представлениях, которые сопровождали жертвенные акты, правды не найти. Напротив, сакральные представления как раз скрывали от приносящих жертвы то, что они на самом деле совершали. А на самом деле они находились в коллективной иллюзии. Они фактически проливали кровь и при этом считали, что оказывают Богу услугу». [99 с.]

Ну и наконец образ праведника, окруженного со всех сторон нечестивыми людьми, так ярко присутствующего на страницах Библии, удивительно созвучен с видением Жирара коллективного перенесения насилия на случайную жертву. Невинный «всегда противостоит не единичным врагам, а имеет дело с «толпой преступников»... Он окружен со всех сторон. Толпа взяла его в круг. Человеческая помощь безнадежна. Только Бог может выхватить его из бездны». [108 с.] Эта картина приобретает все-

ленский масштаб, когда в круг нечестивых попадает Израильский народ. Впрочем, и это особенно важно, в этой ситуации у людей есть свои замыслы, а у Бога Свои. «Они планируют опустошение Иерусалима как славное дело», [108 с.] но, на самом деле, это Бог собирает их на суд, чтобы разоблачить и преодолеть механизм насилия. Неожиданно для всех Он вмешивается в сложившуюся ситуацию и открывает Свою славу. Он действует через слово и ожидает не жертвоприношений, а открытых ушей, приводящих к подлинному преодолению зла и рождению [в человеке] новой природы, которая проявляется в вере, надежде и любви. Открываясь, Он собирает новый народ. «Когда Бог избавляет угнетенных людей от врагов, Он одновременно собирает их заново». [122 с.] Логика проста: без Бога люди отдаются насилию и взаимно убивают друг друга, когда же приходит Бог, происходит излияние Его Духа и наступает мир. И ключевую роль в этом Откровении играет таинственная фигура страдающего слуги Господа, на которого сваливается все насилие мира, но в то же время и останавливается на нем. Все злодеяния людей преследуют его физически и морально, но именно это приводит к новому и неслыханному откровению Бога. Он есть Камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла.

Все линии Откровения, начертанные в Ветхом Завете, находят свое завершение и сплетаются воедино в судьбе Иисуса, герменевтическим ключом к которой Швагер предлагает считать притчу о злых виноградарях. «В новозаветных Писаниях

выражению об отвергнутом камне фактически предоставляется, как и считает Жирар, центральное значение». [147 с.] Эта согласованность теории Жирара с евангельским рассказом поражает. Пророчество Иисуса о разрушении Иерусалима и скандал вокруг храма, обличение религиозных руководителей, погрязших во лжи и насилии, провокация Своим ненасильственным поведением безосновательной ненависти к Себе, разоблачение убийственного духа ложной религиозности и открытие Себя в конце концов как Сына Божия, что сыграло решающую роль в Его распятии, доводит всю предыдущую историю Священного Писания до своей вершины и придает ей неслыханную универсальность и полное эсхатологическое совершенство. Все насилие мира концентрируется вокруг Иисуса и вскрывает свою мерзкую сущность в поругании над Богом, который стал человеком. Также новый окрас в свете теории Жирара приобретает дискуссия о Законе и благодати. Убивающая буква [закона], о которой говорит апостол Павел, понимается теперь вполне буквально. До встречи с Христом «дух ослепления и ложь так сильно пленили его, что он даже убийство воспринимал как приятный Богу поступок... Буква закона действительно побуждала его к убийству». [163 с.]

Иисус «возвещал истинный мир не как человеческое дело, а как Царствие Божие», [165 с.] приглашая в то же время к истинному сотрудничеству с Божьим освобождающим деянием. Он призвал к радикальному прощению и непротивлению злу насилием. В противоположность

мимесису Он призывает к последовательству. «Отношения «учитель – ученик», постоянно содержащие угрозу впасть в соперничество, Он превратил в отношения чистой дружбы». [175 с.] А попытки Иисуса заново собрать людей, которые казалось бы испытали поражение, получают успешную реализацию именно благодаря этому кажущемуся поражению на кресте. Таким образом крест становится центром и сердцевиной библейского Откровения, а следовательно действенным и эффективным актом искупления, раз и навсегда освобождающим человека от тирании греха и насилия. Иисус берет на Себя грех мира, Он есть один за всех, а значит, грехи многих были перенесены на Него. «Итак, настоящая проблематика христианской науки об искуплении состоит в том, как именно нужно понимать это перенос? Кто возложил грехи многих на одного святого? Каким образом это произошло?» [196 с.]

Решительно не соглашаясь с теорией сатисфакции и настаивая на полном удалении из христианского богословия всякого мнения о возмездии, Швагер предлагает крайне неожиданное объяснение механизма искупления. «Бог не нуждается в сатисфакции, но человека нужно извлечь из его тюрьмы, чтобы он стал способным принять чистый дар незаслуженной^[2] любви... Не Бога нужно унимать, а людей надо избавить от их ненависти. Они уже не должны нераскаянно сопротивляться, а должны поддаться Божьей вербовочной любви и позво-

лить освободить себя от собственной злобы. Но каким образом происходит это освобождение? Перенесением грехов многих на одного безгрешного. А как осуществляется этот перенос?» [199 с.]

И здесь начинается самое интересное. Как это ни парадоксально, но именно потребность в козле отпущения, на котором люди разряжают свою склонность к насилию, Бог использует, чтобы достичь подлинного освобождения человека. Из любви к людям Он отдает им Своего Возлюбленного Сына в жертву, на которую они могли бы свалить свою злобу. Итак, вывод Швагера таков: «Именно через универсальное соби́рание толпы и произошло перенесение грехов всех на одного святого. Заступничество есть чем-то большим, чем просто юридическим определением. Иисус мог умереть за всех, потому что прежде все обратились против Него. Все объединились против Него и через распятие на кресте реально перенесли на Него свою злобу на Бога и свое желание убивать». [200 с.] И дальше, развивая свою мысль, он добавляет: «Грехи всего мира собрались против «возлюбленного Сына» и разрядились на Нем. Но от Него эта универсальная беда не возвратилась на головы многочисленных преступников. Напротив, это коллективное преступление Он полностью взял на Себя и в Своем собственном теле поборо^[3]л его Своей ненасильственной и прощающей любовью. В то же время он положился на Того, Кто судит справедливо. Однако суд Отца оказался

^[2] Укр. слово «випереджувальної», рус. «упреждающей» здесь переведено как «незаслуженной».

^[3] В ориг. «перемінив».

в том, что Он, хоть и дал греху действовать во всей его полноте, но в своей бездонной доброте отказался от того, чтобы причислить его людям». [202,203 с.] Люди применили к Иисусу свой лукавый и патологический механизм козла отпущения, но Бог обратил их зло во благо для многих, подобно тому как это произошло когда-то в истории патриарха Иосифа. «Отец выхватил у смерти Того, на Кого были возложены все грехи и насилие мира, и соделал Распятого через Его самопожертвование источником жизни для многих. Камень, который отвергли строители, стал краеугольным. Следом за самым ужасным насилием мира не шел противоудар возмездия; наоборот, назад потекли реки прощающей любви». [203 с.]

Итак, как именно по мнению Швагера действует механизм искупления? Его ответ конкретный и простой: «В акте спасения любящее самопожертвование становится эффективным только через коллективное отвержение. Иисус мог умереть за всех, потому что прежде все собрались толпой *против Него*». [203 с.] Подытоживая сказанное, он еще больше раскрывает свою мысль и буквально ошеломляет нас ею: «Бог позволяет людям действовать согласно их тайным желаниям. Посылая своего Сына, Он даже создал предпосылки для того, чтобы скрытая злоба на Него могла обернуться открытой ненавистью. Он избавил людей тем, что дал их преступлениям развиваться до зенита их испорченности, но уже не допустил, чтобы эти преступления вернулись на преступников. После того как люди свалили

свои сокровенные желания на Иисуса, от Убитого и Воскресшего могла потечь обратно в их души любовь – та любовь, которая уже их ни в коем случае не насильствовала. Случилось то, чего ни одна человеческая фантазия не смогла бы придумать: закон мести стал законом спасительной любви. Проклятие воздано благословением. На сговор ненависти ответ пришел через изливание струи любви». [204 с.]

Заключительные соображения Швагер посвящает природе Божьего гнева, который по его мнению «выражается в том, что [Бог] до конца уважает даже извращенное и страстное поведение и таким образом оставляет людей на их взаимное наказание и самоуничтожение». [205 с.] Убедительно доказывая, что «расстройство человеческих взаимоотношений, вытекающее из богоотступничества, достигает своего апогея в братоубийстве», он говорит, что «квинтэссенция Божьего гнева – это то, что Бог уважает человеческое поведение вплоть до его последних и горьких последствий». [205 с.] А большие и кровавые образы Божественного гнева из книги Откровения он предлагает толковать как насильственные действия самих людей, отмечая, в частности, что «Словом Божьим или, образно говоря, мечом, исходящим из уст Божиих, разоблачается скрытая злоба на Бога и тайная насильственная деятельность. Весть о безграничной любви действует в мире как суд, потому что она глубоко предоставляет людям самим себе. Тот, кто «топчет точило вина ярости и гнева Бога», есть не кто иной, как агнец, пришедший не закалывать, а чтобы самому быть закланным». [208 с.] Автор под-

водит черту под своими размышлениями такими словами: «Бог отдает преступников их собственной похоти со всеми неизбежными последствиями. Слово Божие является словом безграничной любви и одновременно суда из-за того, что оно обличает подспудные мысли и ставит людей перед выбором: либо допустить победу над своими собственными злыми наклонностями, либо стать обреченным на безжалостное (обоюдное) самонаказание». [208 с.]

И в конце своего исследования автор рассматривает в свете теории Жирара плоды искупления, а именно излияние Духа и создание нового Божьего народа, в котором действуют отныне основы любви, а не механизмы мимесиса и насилия, принципы служения, а не доминирования, законы прощения, а не мести.

И еще один немаловажный момент, который обязательно необходимо отметить. Вырастая из литературной критики и интуиций психоанализа, теория Жирара может восприниматься как сугубо социальная теория. Однако исследование Швагера придает ей невероятную богословскую глубину. Анализируя библейские тексты, Швагер блестяще показывает, что всякое насилие является по своей сути скрытой ненавистью к Богу, то есть имеет богословскую, а не чисто антропологическую природу. Другими словами, каждый человек скрывает в себе вызванную завистью тайную ненависть к Богу и стремление убить Его, что неизбежно воплощается в насилии по отношению к ближнему. И это отождествление невидимого Бога и видимого ближнего находит иде-

альное подтверждение в христологии и нравственном учении Нового Завета. Ведь именно в безосновательной ненависти нечестивой толпы к Иисусу богоборчество и братоубийство оказываются тождественными понятиями, которые сливаются воедино в акте богоубийства. Именно поэтому исследование Швагера напоминает собой уголовное расследование, а богослов уподобляется детективу, разоблачающему преступление и ловящему убийцу. Но не для того, чтобы наказать его, но чтобы спасти, приведя к покаянию и внутренней перемене.

В конце собственного исследования автор намечает ряд перспектив. Осознавая всю революционность своих выводов он задает справедливый вопрос: «Если представленная здесь интерпретация библейских Писаний выглядит очевидной, то напрашивается вопрос, почему настолько внятный подход не был открыт ранее. С точки зрения Жирара, ответ однозначен. Способность насилия скрывать свою истинную суть так велика, что могла соблазнить и христиан к тому, чтобы снова однобоко читать явно недвусмысленные тексты». [215 с.] Такой ответ является серьезным вызовом, ведь требует мужества, чтобы читать библейские тексты в пророческом ключе, который часто противоречит нашим привычным идеологическим стереотипам и клише. По мнению Швагера, христиане вместо того, чтобы в свете своих священных текстов разгадать механизм козла отпущения, сами поддались искушению и создали новых козлов, чтобы завуалировать свою собственную склонность к наси-

лию и переложить на них ответственность за свои преступления, а именно на евреев, убивших Христа, на Адама с его первородным грехом, и на поколение потерянных людей, которые будут жить перед концом света. Однако должное осознание универсальной природы человеческой склонности к насилию заставляет признать, что «все суждения о фарисеях и иудеях касаются в такой же степени и христиан, пока они полностью не обратят свои сердца к Богу непостижимой, ненасильственной любви». [216 с.] В свою очередь, толкование наказания за грех именно как насильственной смерти, а не просто прекращения биологической жизни возвращает должное место личной ответственности каждого человека и не позволяет перекладывать ее на доисторического родоначальника. А понимание последних дней как уже начавшихся с приходом Христа делает невозможным вытеснение правды о насилии из нашего настоящего, во

времена своего рода гротескного поколения перед концом света. Ну и наконец интерпретация Откровения как эсхатологического разоблачения насилия, похоти и вражды, совершаемого через пришествие Божьего Царства, служит мощным источником очищения и переосмысления природы власти в церкви и методов распространения Божьего дела в мире.

Что ж, труд Раймунда Швагера поражает своей убедительностью и пророческой пронизательностью. Она содержит мощный герменевтический потенциал и носит очевидный прикладной характер. Ее актуальность для украинского общества, и отечественной академической среды в частности, остается неисчерпаемой, особенно в контексте драматических событий Революции достоинства, острого противостояния антагонистических политических сил в украинском обществе и агрессивной войны, которую Россия развязала против Украины.

*Ярослав Тегза,
Закарпатский Христианский
Институт, Хуст, Украина*